

Кассовиц / Коста-Гаврас: новые фильмы о главном

Мишель БАЙЕН

На два голоса

Фильм "Аминь" (2002) поставлен по пьесе "Викарий" (1963), которая вызвала скандал после первой же постановки. Поставленная ветераном политического кино Коста-Гаврасом с участием Матье Кассовица кинодрама рассказывает о попустительстве католической церкви фашистским зверствам во время Второй мировой войны.

— Ваше сотрудничество кажется одновременно необычным и очевидным. Очевидным, потому что вы оба снимаете проблемные фильмы. Необычным — потому что вы очень разные люди. Что заставило вас решиться на сотрудничество?

Матье Кассовиц: Вы будете очень разочарованы, но должен вам признаться, что мы с Коста знакомы много лет. Мы жили по соседству. Лет пятнадцать назад мои родители купили квартиру в заново отстроенном доме, и в нем же поселился Коста. Помню, мои родители очень гордились, что живут рядом с ним и говорили мне: "Смотри, это Коста-Гаврас!" Они называли его одним из немногих кинематографистов, который остался верен своим принципам и продолжает снимать честные и бескомпромиссные политические фильмы.

Коста-Гаврас: Я был знаком с родителями Матье и внимательно следил за его кинокарьерой. Я видел первые короткометражки Матье, потом посмотрел его первый полнометражный фильм "Метиска". Я был поражен, с какой легкостью этот молодой человек оперирует камерой и как хорошо держится перед камерой. Как только у меня появился проект фильма "Аминь", я сразу же подумал о Матье. Я хорошо помню нашу первую беседу на эту тему. Матье пришел на вечеринку, организованную моим сыном, я утащил его в уголок, и мы проговорили весь вечер.

Матье Кассовиц: Я тоже хорошо это помню. В то время я как раз думал, что мне делать дальше, и пришел на эту вечеринку отчасти для того, чтобы поговорить с тобой. Кстати, в тот вечер я не рискнул тебя спросить, а сегодня все же спрошу: на тебя никогда не давило звание "режиссера политического кино"?

Коста-Гаврас: Все почему-то считают, что я одержим политикой. На самом деле я просто снимаю фильмы о том, что мне интересно в данный момент. Например, я снимал "Свет женщины" с Роми Шнайдер и Ивом Монтаном — это была история любви, я говорил о своем поколении, о паре, которая сходится и расходится, о жизни и смерти, одним словом, о том, что было для меня в то время важно. Политика не ограничивается го-

лосованием за того или иного кандидата на выборах. Политика — это то, как ты живешь. Я делаю фильмы, которые мне нравятся. Иногда я подчеркиваю ту или иную ситуацию, показывая пальцем в ту или иную сторону. Наверное, это не очень вежливо, но необходимо. И я считаю, что все фильмы — политические.

Матье Кассовиц: Ну, не все.
Коста-Гаврас: За исключением полного идиотизма, когда люди сами не знают, зачем снимают.

Матье Кассовиц: Но когда ты снимаешь фильм о насущных политических или социальных проблемах, это накладывает на тебя определенные обязательства. Ты должен стремиться к аутентичности, на тебе лежит гораздо большая ответственность, чем при съемках чисто развлекательных фильмов. Я это знаю, потому что после "Убийц" у меня был трудный период. Когда ты сюжет принимаешь близко к сердцу, после него трудно переключиться на что-то другое. В какой-то момент я испугался, что вообще не смогу больше снимать. Отчасти именно этот страх и заставил меня взяться за постановку "Багровых рек". Ты никогда не испытывал ничего подобного? Тебе никогда в голову не приходили мысли: "Зачем я связался с этой чертовой историей, ведь я мог бы зарабатывать в десять раз больше, делая гораздо более легкие фильмы?"

Коста-Гаврас: Симона Синьоре однажды сказала: "Я стараюсь сниматься в фильмах, за которые мне не будет стыдно в старости". Я никогда не забуду эту фразу и стараюсь работать так же. Но должен признаться, что порой мне приходилось снимать фильмы просто, чтобы работать и зарабатывать деньги. Такова жизнь.

Матье Кассовиц: И к тому же приятно снять с себя бремя глашатая и учителя жизни. Я помню, как ты переживал во время съемок, правильно ли поймут тебя в Ватикане. Ведь ты недвусмысленно показал их пассивными наблюдателями, по сути, соучастниками того, что происходило в концлагерях.

Коста-Гаврас: Да, ответственность велика. Но во время съемок ты об этом забываешь и живешь страстями, а не рассудком. Только потом, когда фильм выходит, и его принимают в штыки, тебя охватывает отчаяние и усталость, ты начинаешь думать, что было сделано не так.

— Господин Коста-Гаврас, вы давно хотели поставить этот фильм?

Коста-Гаврас: Это началось, когда я хотел поставить "Смерть — мое ремесло" по Роберу Мерлю. Сначала я предложил этот проект американцам, но они сказали: "Нет, только не

это!" Потом я предложил его Клоду Берри, а он посоветовал мне обратить внимание на "Викария", потому что права на эту вещь никому не принадлежали. Так все и началось.

— Вопрос к господину Кассовицу: когда вам предложили сняться в фильме "Аминь", что заинтересовало вас больше: сам сюжет или возможность поработать с Коста-Гаврасом?

Матье Кассовиц: Когда у тебя есть возможность поработать с Коста-Гаврасом, от нее нельзя отказаться. Он один из тех режиссеров, из-за которых мне захотелось заниматься кино. Мне давно хотелось посмотреть, как он работает.

Коста-Гаврас: Мне льстят твои слова, но я считаю, что во Франции слишком много внимания уделяют фигуре режиссера. Я верю не в мэтров, а в их произведения. Один и тот же режиссер может поставить великий фильм, а может — ничтожный. Безоглядно верить в режиссера опасно.

— Господин Кассовиц, какова была ваша реакция на пьесу "Викарий"?

Матье Кассовиц: Я читал уже готовый сценарий, саму пьесу я не знаю. Я не сомневался ни в одном слове в сценарии "Аминь". Как и все люди, я много раз задавал себе вопрос, почему союзники не разбомбили газовые печи. Или хотя бы железнодорожные пути, ведущие в концлагеря. Почему они считали, что бомбить фабрики и заводы важнее?

Коста-Гаврас: Я хорошо помню день, когда жена мне сказала: "Матье прочитал сценарий, и он ему понравился". Мне было очень приятно, что человек другого поколения может понять и оценить эту историю. Матье не был уверен, что сможет сыграть священника, но я говорил себе: "Я снимаю фильм с Матье Кассовицем, значит, у меня уже есть один надежный герой".

Матье Кассовиц: По правде говоря, я предпочел бы играть кого-нибудь из немцев. Читая сценарий, я говорил себе: "Какая потрясающая роль у немецкого доктора!" К тому же мой персонаж Рикардо, в отличие от остальных, — вымышленный. Он собирательный образ, символ. В конце фильма он в знак протеста надевает желтую звезду на свою сутану. Мне было страшно играть эту сцену, я боялся показаться мелодраматичным. Как передать мои ощущения в роли иезуита, который первым в Ватикане узнал о существовании концлагерей? Как говорить в современном театре, у меня нет никакого "чувства памяти". Я вижу сцену, но она не вызывает во мне никаких воспоминаний. Хотя моя бабушка была в концлагере, а дед жил в гетто.

— Ваша бабушка была в концлагере?

— Да. Дедушка с бабушкой — выходцы из Венгрии. Их депортировали, но не уничтожили, потому что это произошло в самом конце войны. Но зато моего деда спасли русские и депортировали в Советский Союз.
Коста-Гаврас: Какой подарочек!
Матье Кассовиц: Дед с бабушкой были для меня единственным связующим звеном с этой историей. Я полностью доверился Коста и старался работать во благо фильма. Потому что все персонажи, кроме Курта Герштейна, — вымышленны, и интересны не сами по себе, а с точки зрения их отношения к событиям.
Коста-Гаврас: Думаю, главное качество актера — умение служить истории. Когда я работал в США, меня поразило то, как актеры хотели не просто играть, но стать своими персонажами. Например, чтобы сыграть полицейского, актер должен был месяц проработать полицейским. Я сказал им, что так не пойдет. Что хороший актер должен создавать героя на внутренних ресурсах, а не чисто актерском опыте. Именно так и работал Матье. Он играет очень экономно, но именно этот минималистский стиль идеально подходит для роли священника, который принадлежит к аристократической прослойке служителей Ватикана. Он непринужденно разговаривает с Папой Римским, и Матье сыграл в этой сцене с великой простотой. Его сила — в этой простоте.
Матье Кассовиц: Мне очень помогла сутана. Я носил настоящую сутану. Думаю, их специально делают такими — без карманов, без украшений, — чтобы человек в ней держался прямо, не горбился. А смешные наряды пап и кардиналов, все эти рюшечки-побрякушечки на лиловом фоне — совершенно иной стиль, подчиненный иному регламенту. Церковь стала первой многонациональной корпорацией со своим собственным логотипом. Связь между католическим крестом и свастикой, вынесенная на плакат фильма, не случайна. Думаю, если бы нацисты победили под Сталинградом, Ватикан и Гитлер окончательно нашли бы общий язык. Ведь у них были сходные цели — избавиться от евреев и коммунистов.
— В фильме папа Пий XII показан гораздо более отстраненным от текущих дел, чем было в реальности.
Коста-Гаврас: Мы сделали это намеренно. Когда Рольф Хоххут в 1963 году написал пьесу "Викарий", он спровоцировал страшный скандал, впервые показав реальную роль папы во время войны. Благодаря его пьесе удалось разоблачить многое другое. Но сегодня нет смысла вешать все грехи на одного человека. Эта битва уже давно выиграна. Меня интересовало молча-

ние остальных участников этой истории. Знали не только в Ватикане. Знали везде — в Германии, Англии, Польше, Америке. Были отдельные высказывания и пожелания, но никто не сделал ничего конкретного, чтобы это прекратить. Как уже говорил Матье, минимум, что можно было сделать, — разбомбить железнодорожные пути, ведущие в концлагеря. Или газовые камеры.

Матье Кассовиц: Или громко объявить об этом на весь мир. Просто сказать по радио: "Нацисты истребляют евреев в газовых камерах". Собственно говоря, именно это и должен был сделать папа Римский.

Коста-Гаврас: Думаю, уже это помогло бы спасти сотни тысяч жизней. Люди поняли бы, что нельзя садиться в вагоны, попытаться бы спрятаться.

Матье Кассовиц: Или подняли бы мятеж. Ведь попытки мятежей были очень редки. Моя бабушка, вспоминая те времена, говорила, что они вообще не представляли себе, что происходит.

— Как вы думаете, есть ли определенные табу при создании таких фильмов, как ваш?

Матье Кассовиц: Вы имеете в виду сцены в газовых камерах?

Коста-Гаврас: Для меня было очевидно, что нельзя показывать то, что происходило внутри газовых камер. Нужно было найти метафору. Думаю, мы вообще никогда не сможем даже приблизиться на экране к тому ужасу, который там происходил. Я не мог сказать актерам: "Раздевайтесь, берите детей на руки и притворяйтесь, что вас душают газом".

Матье Кассовиц: Спилберг сделал ошибку. Единственную ошибку за всю карьеру: в сцене душа в "Списке Шиндлера".

— А вы можете назвать собственные ошибки, допущенные вами в других проектах?

Коста-Гаврас: С технической точки зрения — много. С этической — не вижу ни одной. Наоборот, я могу сказать в ответ на упреки, предъявленные мне после фильмов "Признание" и "Пропавший без вести": время доказало — я был прав.

— А вы могли бы снять политический фильм о более свежих событиях — например, о Боснии или терактах 11 сентября?

Матье Кассовиц: Как раз этому и будет посвящен мой следующий фильм. Конфликты, угрозы, дамоклов меч, нависший над миром. Но пока у нас не может быть исторической точки зрения на события 11 сентября. Должно пройти время, чтобы это созрело. Поэтому Спилберг и Поланский говорят о концлагерях только сегодня.

Материалы перевела Полина ТЕЛИНГАТЕР

Кассовиц Матье
(14.07.07) 07:09
(Мишель)